ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ШАМУСАРОВ ШАРУСТАМ

Доктор филологических наук, профессор, ТГИВ

АТАХАНОВА ДИЛАФРУЗ

Студент, ТГИВ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена вопросам возникновения и развития мифологии тюркских народов Центральной Азии. В статье даётся краткое описание мифа в науке, в частности – литературе, последовательно раскрываются этапы его развития. Даются примеры из достоверных источников. Миф как средство выражения эмоционального отношения первобытного человека к действительности в древние времена играл немаловажную роль в жизни человека в целом, в том числе, поэтапно развиваясь, и на сегодняшний день имеет свое почетное место в литературе, влияя на возникновение новых жанров и сливаясь с ними в тексте произведений.*

Опорные слова и выражения: *миф, мифология, древний мир, литература, образ, этапы развития.*

Аннотация. *Ушбу мақола Марказий Осиё туркий халқлари мифологиясининг пайдо бўлиши ва ривожланишига бағишланган. Дастлаб, мақола афсонанинг фандаги, хусусан, адабиётдаги қисқача тавсифини беради. Мақолада мифларнинг ривожланиш босқичлари ишончли манбалардан олинган мисоллар асосида изчил очиб берилади. Миф қадимги замонларда ибтидоий одамнинг воқеликка бўлган ҳиссий муносабатини ифодалаш воситаси сифатида инсон ҳаётида, шу жумладан, босқичма-босқич ривожланиб боришда муҳим роль ўйнаган ва бугунги кунда адабиётда янги жанрларнинг пайдо бўлишига ва улар билан асарлар матнида бирлашишига таъсир кўрсатадиган муҳим ўринга эга.*

Таянч сўз ва иборалар: *афсона, мифология, қадимги дунё, адабиёт, тасвир, ривожланиш босқичлари.*

Abstract. *This article is devoted to the emergence and development of the mythology of the Turkic peoples of Central Asia. Initially, the article gives a brief general description of the myth in science, in particular in the literature, the stages of its development are consistently revealed, based on examples from reliable sources. Myth as a means of expressing the primitive person's emotional attitude to reality in ancient times played an important role in the life of a person as a whole, including developing in stages, and today has its place of honor in literature, influencing the emergence of new genres and merging with them in the text of the works.*

Keywords and expressions: *myth, mythology, ancient world, literature, image, stages of development.*

Миропонимание древнего человека и символическое изображение им действительности через конкретные субъекты или объекты – сложное психосоциальное явление. Древний человек, не имевший объективных представлений о происхождении материального мира, о его определенном состоянии, причинах происхождения стихийных явлений, взаимоотношениях человека и природы, пытался мифически объяснить действительность. На основе этих примитивных, бессознательно-творческих процессов возник один из самых древних способов художественного осмысления мира – мышление, основанное на мифах. Корни традиции осмысления действительности посредством художественных образов, в сущности, тоже связаны с этими представлениями. Миф – выражение эмоционального отношения первобытного человека к действительности.

Мы оцениваем миф, как продукт неосознанной творческой деятельности первобытного человека и это имеет свое обоснование. Ибо наши предки, пытаясь постичь тайны окружающего их материального мира, понять сущность природных явлений, причины которых им были не известны, воспринимали мир целиком, с его добром и злом. Бессознательный человек, который не мог логически объяснить какое-то явление или предмет, лишь высказывал к ним свое чувство. А использование образов и художественных символов является признаком, присущим художественному творчеству, то есть результатом осознанного чувства к действительности. То, что миф является продуктом неосознанного творчества, подтверждают следующие слова Х. Г. Гейне: «Основу мифологии составляет незнание причин природных явлений»[1] Раскрывая сущность понятий осознанного и неосознанного творчества, можно сказать, что трактовка первобытного человека, не понимавшего сущности действительности, считается неосознанным творческим процессом. С. Н. Абзелов, давая классификацию фольклорных жанров, в первую очередь делит их на продукты осознанного творчества и продукты неосознанного творчества. По его мнению, вымышленные рассказы, воспринятые древним человеком, как изложение реальных событий, называются продуктом неосознанного творчества. Знание исполнителем о ложности, придуманности излагаемого рассказа, то есть объяснение действительности посредством художественных образов и символов, является особенностью, присущей осознанному творческому процессу[2].

Мифологические представления объясняли сотворение мира, появление растений и животных, сотворение человека при помощи придуманного, ложного, но несмотря на это они воспринимались их творцами и исполнителями как изложение реальных, действительно происходивших событий. Как подчеркивает М. И. Стеблин-Каменский, «Миф – это повествование, которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно. Тот, кто изучает мифы, в них конечно не верит. Поэтому в современном обществе, миф не рассматривается как отражение реальной действительности. Таким образом, формируется собственное представление исследователя о мифе, суть которого заключается в том, что миф – это вымысел. А в среде, где миф возник и бытовал, он воспринимался как реальная действительность»[3].

Как пишет Т. Хайдаров, анализировавший разные значения слова «сав», приведенного в произведении Махмуда Кашгари «Девону лугат ат- турк», этот термин соответствует греческому термину «миф» по своим трем свойствам: во-первых, термин употребляется еще с древних времен; во-вторых, выраженные этим термином понятия и представления носят обобщенный характер; в-третьих, выраженные значения приобретают обобщенный смысл. Этот случай подчеркивает, что на определенном этапе общественного развития и у тюркских народов существовали «сав» (миф) и «савчилик» (разновидность мифологического творчества), как естественно-социальное явление, присущее всем народам мира»[4].

Это слово, то есть термин «сав» употребляется как обобщенное название мифологических текстов в устном творчестве древнетюркских племен (или как название жанра). Если это так, то является обоснованным мнение С. Каскабасова, считавшего мифы

[1] Mifologiya drevnego mira (The mythology of the ancient world). – M.: Nauka, 1977. – S. 36.
[2] Abzelov S.N. Otnoshenie predaniya, legendi i skazki k deystvitelnosti //Slavyanskiy folklor i istoricheskaya deystvitelnost (The relationship of tradition, legend and tales to reality // Slavic folklore and historical reality). – M., 1965. – S. 18–20.
[3] Steblin-Kamenskiy M.N. Mif (Myth). – L.: Nauka, 1976. – S. 4–5.
[4] Xaydarov T. Gur-ogli i sinkretizm mifologii (Gur-ogly and syncretism of mythology). – T., 1993. – S. 10.

казахского фольклора «образцами древнего мифического жанра, дошедших до нас в виде остатков»[1].

Известно, что образ жизни древнего человека, закономерности художественного осмысления природы стали причиной возникновения общих мифологических представлений:

Во-первых, несмотря на то, что древнейшие мифы занимали место в системе эпических жанров фольклора разных народов, они сохраняли свои начальные мотивы – костяк. На основе сопоставления общих особенностей в традиционных мотивах, которые считаются основными частями эпической темы, можно воссоздать первоначальный сюжет, то есть, выявить первоначальный вид сюжетного костяка.

Во-вторых, система мифологических представлений родственных народов, которая связывается в единый костяк, также восходит к общим эпическим основам. Потому что, миф является продуктом той эпохи, когда определенный народ еще не сформировался как нация. Поэтому, целый ряд мифов созданных древнетюркскими племенами (например, тотемистические легенды о волке, почитаемом как тотем-покровитель) впоследствии стали общим сюжетом фольклора узбеков, казахов, туркмен, киргизов, башкир, татар и азербайджанцев, которые сформировались как отдельные самостоятельные народы. Мифы, возникшие до формирования национальных фольклорных традиций, считаются общим эпическим наследием. Такие легенды совершенствуются и развиваются и в общем фольклоре и в национальном фольклоре. Своеобразие общего фольклора образует систему общих признаков, объединяющих сюжеты национального фольклора в единую эпическую систему[2].

В-третьих, существуют близость и сходство в мифологических воззрениях, в системе образов, сюжетов и мотивов фольклора тех народов, которые издревле проживали в соседстве (хотя они по своему происхождению относятся к разным этническим группам). Например, в результате культурно-экономических взаимоотношений, творческого взаимовлияния и взаимосвязей фольклорных традиций, сюжеты некоторых мифов, восходящих своими историческими корнями к тюркским эпическим основам, проникли в фольклор таджиков. В свою очередь, отдельные сюжеты древних мифов таких ирано-язычных племен, как саки, массагеты, согды, дошедшие до нас через устное творчество таджиков, стали общим эпическим явлением и для тюркских народов. Этим объясняется и существование таких образов, как Семург, аждар, пери, Ахриман, дев, Хурмуз, Сиявуш, чилтан, чилдухтарон, Хизр, аджина в фольклоре центральноазиатских народов.

В-четвертых, общность закономерностей, обеспечивающих развитие жанровой системы устного народного творчества, также порождает общность мифологических трактатов. Разумеется, древний человек, когда он начал представлять себя отдельно от природы, понял, что между ним и окружающим миром существуют определенные различия, и стремился узнать причины этих различий, постичь тайну природы, тайны «другого мира, не похожего на себя», пытался объяснить их посредством вымысла, придуманного. Таким образом, появились мифы о природных явлениях, небесных телах, сотворении растительного и животного мира. Сходство в космогонических воззрениях народов, принадлежащих к разным этническим группам и проживающих в разных уголках мира, основанных на наблюдениях за движением небесных тел, порождали общие мифические сюжеты. В

[1] Kaskabasov S. Kazaxskaya neskazochnaya proza (Kazakh non-fairy-tale prose). – Almata: Nauka, 1990. – S. 74–110.
[2] Baymiradov A. Turkmen folklor prozasining tarixi evolyusiyasi (The historical evolution of Turkmen folk prose). – Ashxabad, 1982. – B. 26.

частности, большинство народов мира объясняют солнечное и лунное затмение как результат посягательства на них мифического существа.

В-пятых, этническая общность, языковая общность, территориальная близость, культурно-экономические отношения не являются единственными факторами, порождающими систему общих мифов. Одно из социальных явлений, порождающих эпическую общность – общность религии. Известно, что ислам в период своего возникновения воплотил в себе традиции арабского фольклора, положительные стороны других религиозных учений. Впоследствии, когда мусульманская религия широко распространилась в странах Востока, и различные нации и народности приняли ислам, большинство традиционных сюжетов местного фольклора этих народов, претерпевая определенные изменения, проникли в систему исламских мифов. В результате, исламская мифология, с одной стороны, выступала как важный источник, обогащающий фольклор всех народов принявших ислам, с другой стороны, она сама совершенствовалась под влиянием эпических традиций местного фольклора завоеванных стран.

Поэтому религиозная общность считается главным фактором, породившим общность в мифологии арабских и тюркских народов, не имеющих общего по своему этническому происхождению. Следовательно, «изучение мифов в сравнительно-историческом аспекте показывает, что несмотря на существование ряда отличительных особенностей, мифологическая проза народов мира имеет некоторую общность, схожие системы образов и мотивов»[1].

Главная причина того, что религиозная общность стала основным фактором, порождающим общее в системе мифологических сюжетов в том, что исторически миф и религия тесно взаимосвязаны. Миф составлял основу системы древних религиозных воззрений. В трактовке религиозных понятий использовалось традиционное мифическое мышление. Поэтому в изучении исторических основ и этапов развития определенного мифа религиозные источники приобретают важное значение.

Некоторые исследователи ставят знак равенства между мифом и религиозными воззрениями. В частности, А. Тимме сопоставляя народные сказки с мифами и преданиями, приходит к следующему выводу: «Миф – выражение религиозных представлений о боге и сверхъестественных существах. А предание – рассказ об исторических личностях, проживавших в конкретном пространстве и времени и событиях происходивших в реальной действительности. Сказка не связана ни с какими воззрениями, в ней не встречается изображение реальных событий или исторических личностей. Приключения героев сказки не происходят в конкретном пространстве и времени. По вольному временному и пространственному охвату развития событий сказка отличается от мифа и предания»[2].

В теоретическом выводе Т. Тимме есть два правильных суждения: то есть исследователь, в основном, правильно определил своеобразную природу сюжета сказки и жанровые особенности преданий. Но в его суждениях о мифе и сказке существуют спорные моменты. Например, А.Тимме ставит знак равенства между мифом и «религиозным представлением». Таким образом, он резко сужает сущность мифа. Хотя в мифе нашли свое отражение

[1] Tokarev S. A., Meletinskiy Ye. M. Mifologiya //Mifi narodov mira (Mythology // Myths peoples of the world). T. 1. – M., 1992. – S. 11.

[2] Kravsov N.I. Skazka kak folklorniy janr //Spesifika folklornix janrov (Fairy tale as a folklore genre // Specificity folk genres). – M., 1973. – S. 79.

религиозные образы и религиозные понятия, тем не менее он, в целом, отражает не основную сущность религии, а первобытные воззрения древнего человека на природу и общество.

Сравнительная мифология, которая охватывает многие актуальные вопросы, требующие специального изучения, еще не получила своего должного развития как особое направление фольклористики. М. Мюллер, исследовавший возникновение мифов на основе языковых факторов в речи древнего человека стал одним из основоположников «натуралистической теории» и одновременно положил начало сравнительно-исторического направления в анализе источников[1].

Сравнительное изучение мифов Запада и Востока имеет место и в исследованиях В. В. Евсюкова, И. М. Дьяконова, А. Н. Афанасьева[2].

В разработке методологии и исследований в аспекте сравнительной мифологии особое место занимают теоретические установки А. Н. Веселовского о методах сопоставительного изучения славянских мифов с сюжетами мифов народов мира[3].

С этой точки зрения надо заметить, что сопоставительное изучение арабо-исламских и тюркских мифов до сих пор не осуществлено. И это несмотря на то, что сравнительно-исторический анализ арабских и тюркских мифов позволит выявить своеобразные особенности, источники, процессы формирования, этапы художественного совершенствования, сюжетные и образные системы, их общие и отличительные стороны, творческое взаимовлияние и культурные связи этих народов по своим историческим корням восходящих к древним племенам, принадлежащим к разным языковым семьям.

После завоевания Центральной Азии арабами, исламская мифология, сочетающая в себе древнюю арабскую мифологию и традиционные сюжеты других народов Востока, принявших ислам, оформилась как усовершенствованная художественная система и оказала влияние и на устное творчество тюркских народов. По истории формирования и многослойности сюжетных ветвей исламо-арабская мифология имела обобщающий характер. Обобщение в рамках устного творчества определенного народа традиционных сюжетов, относящихся к исторически разным эпическим ареалам, или проявление мифов различных народов в смешанном виде порождало многослойность в развитии тюркской эпической традиции. Мифологемы в виде эпических сюжетов, образов и мотивов, перешедших из арабо-исламской мифологии, составляют отдельную систему или группу «заимствованных мифологем» в поэтическом ряду тюркских народных мифов. Поэтому мы с полным правом можем утверждать, что основную часть «заимствованной прослойки» в мифологии тюркских народов Центральной Азии составляют арабо-исламские мифы. Исследование места данной эпической традиции в историко-фольклорном процессе входит в число актуальных задач сравнительной мифологии.

В фольклористике тюркских народов Центральной Азии мифологические тексты пока полностью не собраны и не изучены. Потому что миф не сохранился в системе

---

[1] Myuller M. Sravnitelnaya mifologiya //Letopis russkoy literaturi i drevnosti (Comparative mythology // Chronicle of Russian literature and antiquity). T.5. – M., 1963.

[2] Yevsyukov V.V. Mifologiya kitayskogo neolita (Mythology of the Chinese Neolithic). – Novosibirsk, 1988; Dyakonov I.M. Arxaicheskie mifi Vostoka i Zapada (Archaic myths of the East and West). – M., 1990; Afanasev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu (Poetic views of the Slavs on nature). T. 1–3. – SPb, 1865–1869.

[3] Veselovskiy A.N. Sravnitelnaya mifologiya i yee metod // Vestnik Yevropi (Comparative mythology and its method //Bulletin of Europe), 1873, № 10.

фольклорной прозы как образец целостного жанра, то есть основная часть мифологических сюжетных элементов проникли в состав эпоса, сказки, легенды, устного рассказа, песни, загадки, обрядового фольклора, а также в разные обряды и верования. Для того чтобы изучить казахские, туркменские, киргизские, каракалпакские и узбекские мифы как целостную систему, прежде всего, требуется записать остатки мифов, сохранившиеся в устном творчестве этих народов, собрать мифологемы - единицы, выполняющие поэтическую функцию в сюжетном построении фольклорных произведений как отдельный мотив, образ или поэтическое средство.

Известно, что мифологема – костяк сюжета мифа. Как отмечает И. М. Дьяконов: «мифологема – средство, определяющее основную суть сюжета мифа, которое принимает участие в художественном построении фольклорного произведения как сюжетообразующий эпический образ или традиционный мотив»[1].

Следовательно, первый этап сравнительного анализа, проводимого с целью сопоставления художественности арабских и тюркских мифов, предусматривает выявление своеобразия мифических рядов в фольклорной традиции обоих народов.

Мифы тюркских народов Центральной Азии подробно не проанализированы в аспекте фольклористики. До настоящего времени написан ряд научных работ, посвященных исследованию мифов тюркских народов, проживающих в данном регионе. По тематическому направлению и цели их можно разделить на следующие типы:

1) Мифология и ее отношение к фольклорным жанрам. Своеобразная природа тюркских мифов, особенности системы мифологических воззрений, сохранившихся в каждой национальной фольклорной традиции и место мифа среди фольклорных жанров исследованы такими учеными, как С. А. Каскабасов, А. Баймырадов, К. Байжигитов, М. Джураев, Ж. Юсупов[2];

2) Возникновение древних мифологических сюжетов, этапы их развития, классификация и их художественное место в народных дастанах. Процесс возникновения мифов, их разновидности и отношение к обрядовому фольклору, миф и его проникновение в произведения фольклора, закономерности превращения мифологических представлений в элементы художественного мышления стали объектом специального изучения в работах таких ученых, как Б. Сарымсаков[3], Х. Г. Акрамов[4], М. Джураев[5], Т. Хайдаров[1], Т. Рахманов[2];

---

[1] Dyakonov I.M. Arxaicheskie mifi Vostoka i Zapada (Archaic myths of the East and West). – M., 1990. – S. 191.

[2] Kaskabasov A.C**.** Kazaxskaya neskazochnaya proza (Kazakh non-fairy-tale prose). – Almata, 1990. – S. 74–110; Baymiradov A. Turkmen folklor prozasining tarixi evolyusiyasi (The historical evolution of Turkmen folk prose). – Ashxabad, 1982. – B. 10–33; Bayjigitov K. Kirgiz mifteri, ulamishtari jana legendalari (New legends of Kirgiz myths). – Frunze, 1985; Djuraev M. Istoricheskie korni uzbekskix kosmogonicheskix legend (The historical roots of Uzbek cosmogonic legends). – T., 1996. – S. 8–12; Yusupov J. Nekotorie zapisi o xorezmskix mifax //Jurn. Uzbekskiy yazik i literature (Some records of Khorezm myths // Journal. Uzbek language and literature), 1997, № 5–6. – S. 53–54.

[3] Sarimsakov B. Diffuziya epicheskix janrov // Epicheskie janri uzbekskogo folklore (Diffusion of epic genres // Epic genres of Uzbek folklore). – T., 1981. – S. 97–148.

[4] Akramov G. Animaticheskaya mifologiya (Animated mythology) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura. 1977, № 3. – S. 39–41; On je. Totemisticheskie mifi (Totemic myths) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura. 1978, № 3. – S. 39–42; On je. Mifologiya v serii Gor-ogli (Mythology in the Hor-oglu series). – T., 1977; On je. Mifologiya v uzbekskom folklore (Mythology in Uzbek folklore). – Baku, 1980; On je. Mif i yego otnoshenie s pismennoy literaturoy (Myth and its relationship with written literature). – T., 1996. – S. 53–57.

[5] Djuraev M. Istoricheskie korni uzbekskix narodnix kosmogonicheskix legend (The historical roots of Uzbek folk cosmogonic legends). – T., 1996. – S. 8–12; On je. Otnoshenie mifov k pismennoy literature (Myth and its relationship with written

3) Сравнительное исследование тюркских мифов. Это относительно новое направление в центральноазиатской мифологии. Первые научные работы в этом направлении, где осуществлено сравнительное изучение тюркских мифов с древними письменными источниками, а также с мифологией некоторых народов Востока, в частности арабов, принадлежит перу таких ученых, как М. Джураев[3], Т. Мирзаев[4], Ш. Шамусаров[5].

Изучение мифа как явления, отражающего мировоззрение древнего человека или как совокупности первобытных представлений, объединенных в единую последовательную систему, составляет одно из основных направлений в тюркской мифологии. В учебнике «Узбекское устное народное поэтическое творчество», изданном в 1980 году, существует отдельный раздел под названием «Древние мифы». Там дается такое определение мифа: «Миф – греческое слово, вымышленная легенда о богах и богатырях. Миф считается результатом стремления первобытного человека познать природу. Действительно, бессилие

---

literature) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura, 1980, № 6. – S. 41–45; On je. Uzbekskie narodnie kalendari i mifologicheskie legend (Uzbek folk calendars and mythological legends). – T., 1994; On je. Vzglyadi, svyazannie so zvezdami i kosmogonicheskie legend (Views associated with stars and cosmogonic legends). – T., 1994. – S. 53–54; O n j ye. Mifologicheskie osnovi uzbekskix narodnix legend o Mlechnom puti (Mythological foundations of Uzbek folk legends about the Milky Way) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura. 1995, № 1. – S. 35–41; On je. Uzbekskie narodnie kosmogonicheskie legend (Uzbek folk cosmogonic legends). – T., 1995; On je. Mificheskie vozzreniya, svyazannie s letuchimi zvezdami (Mythical views related to flying stars) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura. 1996, № 2. – S. 39–43; On je . The mythological foundation of the Khorezmian legends of Baroktav // Scientific fnd cultural heritage of mankind to the third millennium. – T., 1997. – P. 152–153; On je. Mifologicheskie obrazi v dastane «Alpamish» (Mythological images in the dastan "Alpamysh") //»Alpamish» – uzbekskiy narodniy geroicheskiy epos. – T., 1999. – S. 147–157; On je. Mif i yego mesto v dastane «Alpamish» (Myth and its role in the dastan “Alpamysh”) //Dastan «Alpamish» i yego mesto v epicheskom tvorchestve narodov mira. – T., 1999. – S. 25.

[1] Xaydarov T. Nekotorie drevnie ponyatiya o neestestvennix deystviyax geroyev (Some ancient concepts of unnatural actions of heroes) //Jurn. Literaturnoe nasledie, 1985, № 3. – S. 87–89; On je. Gur-ogli i sinkretizm mifologii (Gur-oglu and syncretism of mythology). – T., 1993.

[2] Raxmanov T. Diffuziya mifa i epicheskie motivi (Diffusion of myth and epic motifs) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura, 1994, №3. – S. 17–21; On je. Drevnie mifi, kak osnova epicheskix janrov uzbekskogo folklore (Ancient myths as the basis of the epic genres of Uzbek folklore). – T., 1996.

3 Djuraev M. Drevnie tyurkskie mifi o volkax i uzbekskiy folklor (Ancient Turkic myths about wolves and Uzbek folklore) //»Svetnik literaturi». 1-kniga. – T., 1999. – S. 8–16; On je. Mif i yego mesto v tvorchestve Alishera Navoi (The myth and its place in the work of Alisher Navoi). – Navoi, 2001. – S. 52–54; On je. Motivi «Shaxname» v uzbekskix toponimicheskix legendax (Shahname motives in Uzbek toponymic legends). – T., 2001. – S. 100–106; On je. Tvorchestvo Alishera Navoi i mifologiya «Avesto» (The work of Alisher Navoi and the mythology of "Avesto"). – T., 2001. – S. 43–45; On je. «Avesto» i kult Bavaris bobo v uzbekskom folklore (“Avesto” and the cult of Bavaris bobo in Uzbek folklore). – Navoi, 2001. – S. 3–10; On je. Obraz Ardvisuri Anaxiti i yego sledi v uzbekskom folklore (The image of Ardvisura Anahita and his traces in Uzbek folklore). – Navoi, 2001. – S. 10–17; On je. Kult Xubbi v xorezmskoy mifologii (The Hubby Cult in Khorezm Mythology) //«Rodniki nauki», 2002, № 1. – S. 19–24; On je. Obraz Xubbi v uzbekskom folklore (The image of Hubby in Uzbek folklore). //Jurnal Uzbekskiy yazik i literatura. 2002, № 2. – S. 14–21.

[4] Mirzaev T., Djuraev M. Mifologiya «Avesto» i uzbekskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo (Mythology "Avesto" and Uzbek oral folk art) // Istoriya Uzbekistana, 1001. – S. 30–38; Mirzaev T., Djuraev M. «Avesto» i ustnoe narodnoe tvorchestvo ("Avesto" and oral folk art). – T., 2001. – S. 48–49.

[5] Shamusarov Sh. Spesificheskie osobennosti arabo-uzbekskix folklornix otnosheniy (The specific features of the Arab-Uzbek folklore relations) //Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura, 1996, №3. – S. 38–41; On je. Arabo-uzbekskie folklornie otnosheniya (Arab-Uzbek folklore relations). – T., 1997. – S. 225–227; On je. Vozniknovenie arabskoy mifologii i yee vozdeystvie na uzbekskuyu mifologiyu (The emergence of Arab mythology and its impact on Uzbek mythology) //Jurn. Shark mash’ali, 1996, № 1–2; On je. «Adami Od» i yego syujetnie korni ("Adami Od" and its plot roots) // Jurn. Uzbekskiy yazik i literatura, 2000, № 2. – S. 31–37; On je. Uzbekskaya mifologiya i arabskiy folklor (Uzbek mythology and Arabic folklore). – T., 2001 (v soavtorstve); On je. Istoriko-sravnitelniy analiz arabskogo i uzbekskogo folklora (Historical and comparative analysis of Arabic and Uzbek folklore). – T., 2002.

человека в борьбе с природой заставляло его как-то объяснять неизвестные ему явления и создавать определенные понятия и представления. Таким образом возникали первобытные представления о мире и они, в свою очередь, породили мифы о небе, солнце, луне, различных животных, богах, богатырях со сверхъестественной силой»[1].

В данном определении автор, в основном, правильно излагает суть и свойства мифа. Свое теоретическое мнение он подкрепляет анализом мифов об Ардвисуре Анахите, Джамшиде, Каюмарсе. Однако, здесь трудно разделить мнение автора упомянутой части учебника К. Имамова о том, что «злые силы изображались посредством отрицательных мифов о драконе, джине, диве»[2].

Во-первых, в мировой мифологии не констатирована такая практика разделения мифов на «положительные» и «отрицательные». Мифы о некоторых злых силах могут вызвать отрицательную эмоцию в душе человека, но это не может служить основой для такой классификации и разделения мифов на два противоположных полюса. Нам кажется, автор тут имел в виду образы, трактуемые как символы зла, но вместо термина «отрицательные мифологические образы» употребил словосочетание «отрицательные мифы».

Во-вторых, в своем выводе автор смешал два разных понятия: миф (жанр, отражающий в себе древние верования) и мифологический образ (вернее, образ, относящийся к «низкой мифологии»). В результате «дракон, див и джин» оцениваются как «отрицательные мифы».

Несмотря на это, научные взгляды К. Имамова, как первые шаги в узбекской мифологии имеют важное теоретическое значение.

Самая подробная и верная трактовка в определении термина «миф» дается Н. Хатамовым и Б. Сарымсаковым. «Миф – взгляды древних людей, отражающие их верования и представления о богах, мифических героях, явлениях, возникших в результате непонимания древними людьми сущности природных явлений, мира... Понятия древнего человека о вселенной, природных явлениях и воображения, жившие в его сознании, составляют миф... Мифы, в своем развитии проходя разные этапы, смешивались с верованиями и представлениями первобытных людей о разных культах»[3]. Это мнение может служить руководством в определении сущности мифа, как выражения общественной мысли, выявлении их исторических корней и этапов развития.

Фольклорист Б. Сарымсаков, рассуждая о путях мифического представления писал, что «такие взгляды существовали среди людей в форме легенд и преданий»[4]. Впоследствии, развивая эту мысль, он замечает, что миф «всегда живет и распространяется в форме легенды, то есть через эстетический код»[5]. В этом аспекте приобретают большое значение и исследования М. Джураева, посвященные изучению народных космогонических легенд. Среди них космогонические легенды о луне, солнце, звездах, природных явлениях, а также о возникновении мира, его начале и конце анализируются на основе сопоставления с тюрко¬монгольской, индоиранской мифологиями и их трактовками[6].

---

[1] Uzbekskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo (Uzbek oral folk art). – T., 1980. – S. 52.
[2] Ibid. – S. 54.
[3] Xatamov N., Sarimsakov B. Rusko-uzbekskiy tolkoviy slovar literaturovedcheskix terminov (Russian-Uzbek explanatory dictionary of literary terms). – T., 1979. – S. 185–186.
[4] Xatamov N., Sarimsakov B. Rusko-uzbekskiy tolkoviy slovar literaturovedcheskix terminov (Russian-Uzbek explanatory dictionary of literary terms). – T., 1979. – S. 185.
[5] Sarimsakov B. Diffuziya epicheskix janrov (Diffusion of epic genres). – S. 147.
[6] Djuraev M. Uzbekskie narodnie kosmogonicheskie mifi (Uzbek folk cosmogonic myths). – T., 1995.

На основе изучения исторического возникновения источников сюжетного разветвления и сюжетного построения мифов тюркских народов, можно их классифицировать по уровню исторического развития, тематике и этапам формирования сюжетного строения.

Фольклорист А. Баймырадов, рассуждая об этапах формирования туркменских мифов, указывает следующие истоки:

а) тюрко-монгольская и китайская мифологии;

б) арабская, индийская и греческая мифологии.

Он отмечает, что туркменская мифология развивалась питаясь этими истоками, и ее развитие включает в себя следующие этапы:

1-этап: Мифы о боге

2-этап: Возникновение мира, земли и планет

3-этап: Сотворение Адама и Евы

4-этап: Появление святых и ангелов

5-этап: Сотворение животных

6-этап: Возникновение законов жизни[1].

Данная классификация не отражает полностью все этапы развития мифа, в ней также не получила должного отражения и художественная первооснова, послужившая фундаментом в развитии мифа. Эту мысль можно обосновать следующими аргументами:

Во-первых, древний пласт мифологии тюркских народов, в том числе и туркмен, в сущности, состоит из мифических сюжетов, сформированных в фольклоре первых предков народов говорящих на урало-алтайских языках.

Древние тюрки, которые отделились от первобытной общины и оформились как отдельные родовые разветвления, сохраняли основные мотивы мифов своих предков и совершенствовали их в рамках фольклорной традиции. Реликты этих мифологических представлений, сохранившиеся в качестве мифологемы в структуре сюжета фольклорных произведений составляют первый пласт древних мифов.

Во-вторых, когда речь идет об истоках мифологии тюркских народов Центральной Азии надо иметь в виду и фольклорные традиции таких древних племен как саки, массагеты, согды, тохары, которые жили на этой территории, ибо часть древнетюркских этносов, то есть предки туркмен, узбеков, казахов, киргизов и каракалпаков вобрали в свои фольклорные традиции и мифы древних племен, обитавших когда-то в Центральной Азии.

В-третьих, А. Баймырадов не указывает какими критериями он пользовался при классификации истоков, послуживших основой возникновения туркменской мифологии. В качестве первоосновы он упоминает тюрко-монгольскую и китайскую мифологии, а арабская, индийская, греческая мифологии, по его мнению, играли второстепенную роль. Здесь возникает вопрос: разве религиозные догмы зороастризма, сюжеты и образы «Авесто» и вообще фольклор древних ирано-язычных племен не оказали влияние на становление мифологии тюркских народов Центральной Азии? Несомненно, определенная часть мифических сюжетов в фольклоре узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен имеет отношение к древней иранской мифологии. Следовательно, при определении первооснов мифологии народов Центральной Азии надо учитывать и место мифологических традиций древнего Ирана.

[1] Baymiradov A. Turkmen folklor prozasinin tarixi evolyusiyasi (Evolution of Turkmen folklore prose history). – Ashxabad, 1982. – S. 34.

М. Мурадов, собравший узбекские легенды и предания и опубликовавший их, делит мифы на две группы: мифы древних времен и социальные мифы, слагаемые в современности. Автор считает, что в основе социальных мифов лежат «выдумка и фальсификация, свершение которых невозможно в ближайшей перспективе или вообще». «Рассказы о знаменитых следователях или сыщиках он относит к числу таких мифов»[1].

Рассмотрение таких преувеличенных рассказов о приключениях «героев-одиночек» как образцов мифов неверно, ибо основная функция мифа состоит в том, чтобы объяснить причину явлений и предметов, дать сведения о природных явлениях, постичь которые трудно. На самом деле под термином «социальные мифы» можно объединить мифы о боге, о создании человека, мифы объясняющие появление определенных родов и племен. Но невозможно присоединиться к мнению М. Мурадова, так как «рассказы создаваемые в современности» нельзя причислять к мифам, даже в том случае, когда доля вымысла в них слишком высока. Такие произведения фольклора относятся к жанру «устный рассказ» народной прозы. Этапы развития узбекских мифов правильно определены Б.Сарымсаковым, который считает, что путь развития узбекской мифологии состоит из трех этапов и включает в себя древние мифы, классические и мифы средневековья. Он так описывает основные особенности каждого этапа: «Важная особенность древних мифов состоит в том, что в них борьба между хаосом (небытие) и вселенной (бытие) отражается в широком плане и в этой борьбе решающую роль играют анимистические и тотемистические представления, еще одним важным признаком древних мифов является то, что в них не встречаются ни политеистические, ни монотеистические религиозные воззрения. А в классических мифах масштабы борьбы между хаосом и вселенной несколько сужаются. В них преобладают политеистические религиозные воззрения. Огнепоклонство – зороастризм центральноазиатских народов тоже берет свою мифологическую основу из классических мифов, но в ней доминируют монотеистические воззрения»[2].

Как видно из вышеизложенного, формирование мифов средневековья непосредственно связано с распространением среди народов Центральной Азии религии, основанной на единобожье, то есть учения ислама.

База, обеспечивавшая развитие мифологии тюркских народов Центральной Азии, состоит из следующего:

1) тотемистические, анимистические, дуалистические и магические верования предков древних тюрков;

2) обряды, имеющие в быту первобытных людей ритуально-символическое значение;

3) шаманистические воззрения древнетюркских племен;

4) догмы огнепоклонства, занимавшие особое;

5) культ плодородия, связанный с древней земледельческой цивилизацией;

6) учение ислама и источники арабского фольклора, проникшие в Центральную Азию вместе с исламом.

С давних времён в тюркском фольклоре возникли космогонические (сотворение мира Аллахом), антропогонические (создание Аллахом Адама, ангелов, добрых и злых духов),

[1] Muradov M. Istochnik vechnoy jizni //Uzbekskie naronie legend (Source of Eternal Life // Uzbek Naruto Legends). – T., 1993. – S. 281.

[2] Sarimsakov B. Diffuziya epicheskix janrov // Epicheskie janri uzbekskogo folklore (Diffusion of epic genres. // Epic genres of Uzbek folklore). – T., 1981. – S. 147.

этиологические (возникновение растений, животных, предметов-вещей), календарные (мифы о «лайлатулкадр», месяце «сафар», месяце «рамадан») и эсхатологические (о конце мира, судном дне) легенды. Сюжеты таких мифов и легенд имеют тематическое сходство в историко-генетическом отношении.

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ОДНОЙ АРАБСКОЙ СКАЗКИ С ОБЩЕИЗВЕСТНОЙ РУССКОЙ

МУХТАРОВ ТИМУР

Доктор филологических наук, профессор, ТГИВ

Аннотация. *Интерес и внимание к сравнительным аспектам исследования заметно активизировался в современной фольклористике, и было бы неверно объяснять его как дань научной традиции или модное увлечение. Думается, что в основе этого лежит осознание нашей наукой того очевидного факта, что историческое изучение литературы и фольклора – во всем многообразии и во всей сложности современной проблематики – невозможно без самого широкого систематического сравнительного анализа. На этих принципах построена данная статья.*

Опорные слова и выражения: *арабская сказка, русская сказка, народ, Восток, фабула, сюжет, сходство, элементы, три брата, жар-птица, мотив, отдельный эпизод, словесность, источник.*

Аннотация. *Замонавий фольклор ишларида сезиларли равишда кучайган изланишнинг қиёсий жиҳатларига бўлган қизиқишни илмий анъаналар ёки мода ҳоббиси сифатида таърифлаш нотўғри бўлар эди. Бизнинг илм-фанимиз адабиёт ва фольклорни тарихий ўрганиш – барча хилма-хиллиги ва замонавий муаммоларнинг мураккаблигида энг кенг тизимли таққослашсиз таҳлилни амалга ошириш мумкин эмаслигини аниқ тасаввур қилиб кўришга асосланган. Ушбу тамойилларга асосланиб, ушбу мақола асосланган.*

Таянч сўз ва иборалар: *Араб эртаги, рус эртаги, халқ, Шарқ, фабула, сюжет, ўхшашлик, элементлар, учта ака-ука, қуш, тилла қуш, мотив, алоҳида эпизод, оғзаки нутқ, манба.*

Abstract. *The interest and attention to the comparative aspects of the study, which has noticeably intensified in modern folklore studies, would be wrong to explain as a tribute to scientific tradition or as a fashion hobby. It seems that our science is based on the realization of the obvious fact that the historical study of literature and folklore – in all its diversity and in all the complexity of modern problems – is impossible without the widest systematic comparative analysis. Based on these principles, this article is based.*

Keywords and expressions: *Arabian tale, Russian fairy tale, folk, East, plot, plot, similarity, elements, three brothers, firebird, golden bird, motif, separate episodes, literature, source.*

Глава нашей Республики отмечает, что национальная и мировая культура должна быть основой духовного воспитания сегодняшней молодежи. Поэтому исследование мусульманской культуры, арабоязычной литературы и арабского языка этого периода в целом имеет большое значение в плане изучения духовного наследия народов Мавераннахра и Хоросана. Арабская культура традиционно привлекала внимание филологов, историков, философов, культурологов и других представителей науки. Арабская культура после возникновения Ислама и в эпоху средневековья характеризуется расцветом различных отраслей науки,